

Новые документы, опубликованные с помощью Ассоциации историков Второй мировой войны

I. Из дневника полпреда (с 1941 г. — посла) СССР в Великобритании И. М. Майского за 1936–1938 гг.

Специалисты Института всеобщей истории РАН, в т.ч. Ассоциации историков Второй мировой войны, совместно с Архивом внешней политики РФ подготовили к печати дневник советского посла в Великобритании И. М. Майского. (Кн. 1. 1934–1939. М.: Наука, 2006, Кн. 2. Т. 1–2. 1939–1943. М.: Наука, 2009)

Направляя дневник И. Сталину в декабре 1941 г., И. М. Майский так мотивировал целесообразность его публикации: «Как-никак, за указанные семь лет я все время находился на крупнейшем наблюдательном пункте мировой политики и имел возможность входить в сношения с крупнейшими политическими деятелями Англии и других стран...»

На страницах дневника гораздо полнее, по сравнению с направлявшимися Майским в НКВД донесениями, представлены его оценки обстановки в верхних эшелонах власти, политический фон бесед с государственными и общественными деятелями Великобритании, отражены личные впечатления посла. Поэтому, несмотря на то, что отдельные записи дневника выборочно ранее уже публиковались в сборниках документов («Документы внешней политики», «Год кризиса 1938–1939» и др.), а также частично использовались автором при написании мемуаров («Воспоминания советского посла. В 2-х кн.». М., 1964–1965), его материалы представляют значительный интерес для историков, политологов и более широкого круга общественности. Их изучение позволит полнее выявить позитивные и негативные стороны переговорного процесса между СССР и западными державами, связанного с нормализацией двусторонних отношений и созданием условий для совместного противодействия агрессорам, составить более объемное представление о развитии внутриполитической обстановки в Великобритании и позиции ведущих представителей ее политической элиты (С. Болдуина, Н. Чемберлена, У. Черчилля и других).

26 мая 1936 года

J. Cummings¹ рассказывал о своем разговоре с У. Черчиллем. Черчилль рвет и мечет по поводу беспрепятности и нерешительности правительства. Вина за это ложится главным образом на Болдуина. На вопрос К.[аммингса]², когда Болдуин³ уйдет, Ч.[ерчилль] с раздражением воскликнул:

— Сам он никогда не уйдет! Он думает оставаться не только до коронации, но, если удастся, и после коронации. Болдуина надо выбросить («kick out») — только так от него можно избавиться.

И затем Ч.[ерчилль] прибавил:

— Болдуин мне напоминает человека, который ухватился за гондолу подымающегося воздушного шара. Если он выпустит гондолу сразу, когда шар находится еще в 5–6 метрах от земли, то упадет, но не разобьется. Чем больше, однако, такой человек будет медлить с отрывом от шара, тем вернее будет его смерть при неизбежном падении.

¹ Каммингс (Cummings), Дж. — корреспондент либеральной газеты «Ньюс кроникл».

² Здесь и далее в квадратных скобках расшифрованы встречающиеся в тексте сокращения.

³ Болдуин, Стенли — лидер консервативной партии Великобритании, 1935–1937 — премьер-министр Великобритании.

Недурно сказано, по-черчиллевски. Невольно вспоминается, как тот же Ч.[ерчилль] месяца три назад на вопрос одного коллеги, почему Болдуин так долго не назначает министра обороны, с убийственной остротой ответил:

— Еще бы! Болдуин ищет в министры обороны человека, который был бы еще меньше его самого, — такого нелегко найти.

Ч.[ерчилль] твердо заявил К.[аммингсу], что нынешнее правительство придет скоро к краху, однако насчет срока этого краха он был не вполне определен. Все слухи и разговоры о возможном его вступлении в кабинет Ч.[ерчилль] категорически отвергает:

— В одном кабинете с Болдуином я не могу работать. Если я войду в правительство, то только в такое, где мое влияние было бы преобладающим.

По вопросам внешней политики Ч.[ерчилль] говорил на этот раз мало, но то, что говорил, соответствовало его общей линии: Германия — враг, надо создавать оборонительный союз против Германии.

Разговор с Ллойд Джорджем⁴, 1 июля 1937 г.

/.../

4. Едва я упомянул слово «правительство», как Ллойд Джордж чуть не привскочил на месте. «Правительство? — с глубоким сарказмом воскликнул он. — Разве это правительство? Это же собрание посредственностей... Разве у них есть воля? Есть мужество? Есть умение охранять наши интересы? Они получили от предков богатое наследство, но они очень плохо им управляют, и я боюсь, что они его растрачат. Все они — жалкие трусы. Не трусость, а смелость способна построить и защитить Великую империю!» Я заметил, что сейчас вообще на европейско-демократическом горизонте не видно крупных людей. Ллойд Джордж воскликнул: «Вы совершенно правы. Где они, крупные люди? Европейская демократия оскудела. Сейчас есть только один большой человек, которым может похвастаться демократия, это — Рузвельт. Он знает, чего хочет, и он умеет добиваться, чего хочет. Но Рузвельт — далеко и в европейские дела не хочет вмешиваться. А здесь, в Англии, во Франции, — хоть шаром покати. Куда они годятся, все Болдуины, Чемберлены, Блюмы, Шотаны? Им приходится иметь дело с действительно крупными и сильными людьми — с Гитлером и Муссолини. Эти фашистские диктаторы совсем не дураки. Они сделаны из грубого теста и действуют грубыми методами — силой, нахальством, запугиванием. Но они действуют, они активны, они энергичны, они ведут за собою свои страны. Разве наши министры годятся для отстаивания своих интересов перед лицом диктаторов? Разве они способны это сделать? Какая чепуха! Вот если бы Уинстон Черчилль был премьер-министром, он сумел бы заставить диктаторов с собой считаться, но консерваторы до смерти боятся пустить Черчилля в правительство. В результате сопливки разговаривают с людьми дела — Гитлером и Муссолини. Мне очень жаль, что оба они фашисты и противники демократии. Но надо признать, что они — сильные люди. Можете себе представить, что в состоянии получить, когда, например, Иден беседует с Муссолини? Конечно, Муссолини положит его на обе лопатки. Так оно и было в эпоху абиссинской войны. Вот ваш Сталин — совсем другое дело. Это большой человек и с большой решительностью. У него твердая рука, и он может импонировать диктаторам, может с успехом отражать натиск Гитлера и Муссолини. У нас же одно горе. Взять хотя бы Чемберлена — узкий, ограниченный и бесплодный человек. Настоящая рыба с холодной головой, как я его охарактеризовал во время последних дебатов в парламенте. Вы посмотрите, чем он сейчас увлекается. Мне совершенно точно известно, что «генеральный план» Чемберлена сводится к следующему: в течение ближайшего года добиться замирения с Германией и Италией и заключить пакт четырех. Для Центральной и Юго-Восточной Европы Чемберлен готов удовлетвориться неопределенными обещаниями со стороны диктаторов о ненападении. Ваша страна должна быть исключена из европейской комбинации и предоставлена самой себе. Добившись этого, Чемберлен хочет пойти на выборы. Обращаясь к избирателям, он скажет: „Неразрешимая проблема европейского успокоения решена мной, моим правительством. Теперь все в порядке. Голосуйте за консерваторов!» И, одержав победу на выборах, закрепит господство своей партии еще на пять лет./.../“ Я возразил, что, каковы бы ни были планы Чемберлена, реализация их зависит далеко не от него одного. Есть много факторов, которые легко могут помешать осуществлению этих планов. Ллойд Джордж оживился и воскликнул: «Конечно, конечно, величайшая наивность воображать, будто бы фашистских диктаторов можно приручить только с помощью хороших слов. Они народ кровожадный и требуют куска мяса» /.../

6. Я спросил Ллойда Джорджа, какое впечатление он вынес из своей прошлогодней поездки в Германию. Ллойд Джордж оживился и сказал: «Я был у Гитлера и имел с ним продолжительную беседу. Он произвел

⁴ Ллойд-Джордж, Дэвид — британский государственный деятель. Член парламента, лидер либеральной партии (1926–1931); премьер-министр Великобритании (1916–1922).

на меня впечатление человека чрезвычайно простого, скромного и довольно образованного. С ним можно рассуждать и спокойно обмениваться мнениями. Но у него есть один „пункт“ — это коммунизм. Всякий раз, как в нашей беседе Гитлер упоминал коммунизм и коммунистов, он сразу же становился невменяемым, самое лицо его внезапно преображалось: глаза вспыхивали злобещим огнем, а губы начинали судорожно сжиматься. Я несколько раз пытался навести его на мысль, что для Германии просто невыгодно быть в плохих отношениях с вашей страной. Это не производило на Гитлера никакого впечатления. Он чуть не с пеной у рта начинал вновь кричать о коммунизме и коммунистической опасности. Он действительно верит, что призван в мир осуществить специальную миссию: спасти европейскую цивилизацию и раздавить гидру коммунизма. После всего того, что я видал у Гитлера, я совершенно убежден в том, что он никогда не согласится заключить с Советским Союзом какой-нибудь договор или даже поставить свою подпись под каким-нибудь международным документом наряду с подписью Сталина». Я поинтересовался, затрагивал ли Ллойд Джордж в своей беседе с Гитлером вопросы европейского мира и какова была на это реакция фюрера. «О да, — воскликнул Ллойд Джордж, — я с ним много говорил на эту тему. Гитлер все время убеждал меня в своем миролюбии. Он приводил такой аргумент: Германии потребовалось больше 40 лет на то, чтобы создать могущественную армию, какую она имела накануне последней войны. Ему, Гитлеру, на превращение рейхсвера в крупную, боеспособную армию потребуется 20 лет. Какой же ему интерес начинать войну раньше этого времени? Я не могу отрицать, что в соображениях Гитлера есть известная доля правды. Гитлер дал мне разрешение ездить куда угодно и смотреть что угодно, по моему желанию. Случайно, проезжая на машине по Баварии, я наткнулся на большие войсковые маневры. Мне позволили проехать через зону маневров, и я имел случай немного ближе посмотреть на то, что из себя представляет германская армия. Не могу сказать, чтобы она произвела на меня особо сильное впечатление. Правда, по части вооружений имеются несомненные успехи; мне особенно понравилась немецкая противотанковая пушка, которая впоследствии оказалась столь полезной для Франко в Испании. Но зато людской состав поразил меня своей второсортностью — солдаты мелкие, щуплые, какие-то мальчишки. Тренировка их и дисциплина оставляют желать многого. Чувствуется большой недостаток в офицерах. Нет, нынешняя германская армия — это еще не та армия, которая может рисковать большой войной. Я видал и знаю старую германскую армию — армии Гитлера до нее очень, очень далеко. И потому я склонен думать, что Гитлер прав, когда говорит, что ему потребуется еще много времени для приведения германской армии в состояние настоящей боеспособности, — не 20 лет, пожалуй, но 10 лет это уже наверняка. И до тех пор Гитлер едва ли рискнет атаковать Францию, нас или СССР». Я возразил, что не вполне согласен с оценкой Ллойда Джорджа. Я могу допустить, что нынешняя германская армия еще не готова для большой войны, ну, а как насчет малой войны? Насчет войны с такими странами, как Австрия, Чехословакия, Румыния и т.п.? Мне кажется, что уже нынешняя германская армия достаточно подготовлена для прокладывания Гитлеру дороги на юг и юго-восток. Что может помешать Гитлеру осуществлять свою экспансию в этом направлении? Только вмешательство великих держав. А станут ли вмешиваться, станут ли рисковать Англия и Франция? Опыт последних лет настраивает меня несколько скептически. Ллойд Джордж отвечал: «Да, если ставить вопрос так, Вы правы. Я полностью с Вами согласен. Эта неискоренимая слабость нашего правительства и французского правительства, эти систематические отступления перед агрессорами только разжигают их аппетиты и делают их более смелыми. Привыкнув к трусости западных демократий, Гитлер в один прекрасный день может действительно рискнуть какой-либо авантюрой против Австрии или Чехословакии в расчете, что и это ему сойдет, как сошло многое другое. Самое печальное то, что на слово Гитлера совершенно нельзя полагаться. История „невмешательства“ меня многому научила. На основании своих прошлогодних впечатлений я никак не ожидал такого вероломства со стороны фюрера, и я все больше прихожу к выводу, что всякие договоры и соглашения с Германией лишены серьезного смысла. Подпись германского правительства стала очень дешева. Гитлер будет соблюдать любой договор лишь до тех пор, пока он ему выгоден. Как только он сочтет, что договор его стесняет, он не постесняется его нарушить или разорвать. В этом с необычайной яркостью проявляется глубокое падение международных нравов в Европе. И в этом же заключается величайшая опасность для дела мира».

На этом наша беседа закончилась, и я вернулся в Лондон.

Разговор с Черчиллем, 24 марта 1938 года

1. Рандольф Черчилль позвонил мне по телефону и сообщил, что его отец очень хотел бы меня повидать. Мы условились встретиться в квартире Рандольфа Черчилля за завтраком. Я застал Уинстона Черчилля в большом волнении. Он сразу взял быка за рога и обратился ко мне со следующей речью: «Скажите мне, пожалуйста, вполне откровенно, что происходит в Вашей стране? Завтра, во время дебатов по выступлению Чемберлена, я предполагаю говорить и коснуться различных наболевших вопросов внешней политики. Вы знаете мою общую точку зрения. Я глубоко ненавижу национал-социалистическую Германию. Я считаю, что

она является не только врагом мира и демократии, но и Британской империи. Я считаю, что единственным надежным средством обуздать этого зверя явился бы „великий альянс“ всех миролюбивых государств в рамках Лиги Наций. В этом „альянсе“ Россия должна занимать одно из крупнейших мест. Нам нужна, до зарезу нужна сильная Россия, как противовес Германии и Японии. Я работал и работаю в направлении создания такого „альянса“, не смущаясь тем, что мне часто приходится оказываться в меньшинстве в моей партии. Но в последнее время я слышу со всех сторон, особенно от моих консервативных друзей, от министров и лиц, близко к ним стоящих, что Россия сейчас переживает тяжелый кризис. Рассказывают со ссылкой на будто бы достоверные источники, что в России идет острая внутренняя борьба, что ваша армия в результате недавних событий находится в состоянии разложения и потеряла свою боеспособность и что вообще Россия перестала существовать как серьезный внешнеполитический фактор. Я не стану Вам повторять тех просто фантастических историй, которые мне передавали, и я не склонен простодушно верить всему тому, что мне рассказывали, но все-таки я говорю себе: не может быть дыма без огня. Что-то, очевидно, есть. Но что именно? За годы нашего с Вами знакомства я привык относиться с доверием к Вашим словам, — разъясните же мне смысл того, что у вас происходит. Мне важно это знать для моей общей ориентации, мне важно это знать и в связи с завтрашними дебатами в парламенте». Вид, тон и жесты Черчилля не оставляли сомнения в его искренности. Мне пришлось взять слово и прочитать моему собеседнику довольно длинную лекцию по политграмоте и дать ему просимые разъяснения о последних событиях. Черчилль слушал с величайшим вниманием, от времени до времени прерывая мое изложение краткими замечаниями и вопросами. Когда я кончил, Черчилль как-то просветлел, вздохнул с облегчением и воскликнул: «Ну, слава богу, Вы меня немного успокоили. Конечно, — с хитрой усмешкой продолжал Черчилль, — Вы — посол, и слова Ваши надо принимать „cum grano salis“, но все-таки для меня сейчас многое становится гораздо более ясным и я начинаю понимать, что у вас делается». И затем, после минутного перерыва, Черчилль продолжал: «Я ненавижу Троцкого! Я давно уже слежу за его деятельностью. Это злой гений России, и очень хорошо, что Сталин с ним разделался». Еще минута перерыва, и Черчилль, точно отвечая на свои собственные мысли, воскликнул: «Я безусловно за политику Сталина. Сталин создает сильную Россию. Нам нужна сильная Россия, и я желаю Сталину всякой удачи».

30 сентября 1938 года

Мрачные предчувствия лейбористов оправдались. Вчера я не спал почти до 4 час. утра и сидел у радио. В 2 часа 45 мин. наконец было сообщено, что соглашение в Мюнхене достигнуто и европейский мир обеспечен. Но что за соглашение! И что за мир!

Чемберлен и Даладьё полностью капитулировали. Конференция четырех фактически приняла годесбергский ультиматум с мелкими, ничтожными изменениями. Единственная «победа» англо-французов состоит в том, что Судетская область переходит к немцам не 1 октября, а 10-го. Какое потрясающее достижение!

Я долго ходил по столовой из угла в угол и все думал. Тяжелые это были думы. Трудно сразу охватить истинное значение того, что только что совершилось, однако я чувствую и понимаю, что сегодня ночью пройдена какая-то огромной важности историческая веха. Количество скачком перешло в качество, и мир сразу изменился...

Утром встал с тяжелой головой, и первое, что пришло на ум, это: надо немедленно же съездить к Масарику⁵.

Когда я зашел в его приемную, в ней никого не было. Через минуту по лестнице послышались торопливые шаги, и в комнату как-то боком вошел хозяин. Что-то странное и неестественное было во всей его высокой сильной фигуре. Точно она внезапно обледенела и потеряла привычную гибкость движений. Масарик бросил беглый взгляд на меня и начал было в привычно-светском стиле:

— Какая сегодня хорошая погода — не правда ли?

— Бросьте погоду, — я невольно махнул рукой. — Я пришел к Вам не за этим. Я пришел выразить в этот исключительно тяжелый для вашего народа момент свое глубокое сочувствие ему и свое глубокое возмущение позорным поведением Англии и Франции!

По всей высокой фигуре Масарика точно прошел какой-то ток. Лед мгновенно исчез. Неподвижность дрогнула. Он как-то смешно качнулся и вдруг совершенно неожиданно упал мне на грудь с горькими рыданиями. Я был ошеломлен и немного растерян. Целуя меня, сквозь слезы Масарик бормотал:

— Они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство в Америке.

Понемногу Масарик успокоился и стал извиняться за проявленную слабость.

Я крепко пожал ему руку.

⁵ Масарик, Ян — посланник Чехословакии в Великобритании (1925–1938).

II. Из материалов военной цензуры штаба группы армий «Центр» за 1941 год (выдержки из писем немецких солдат)

Некоторые отчеты немецкой почтовой цензуры, которые представлялись штабами армий в отдел контрразведки Главного штаба вермахта, хранятся ныне в документах Центрального архива Министерства обороны РФ (фонд 500). Они представляют несомненный интерес для изучения состояния немецких войск на Восточном фронте и сравнения морального потенциала противоборствующих армий. Содержащиеся в отчетах фрагменты писем германских солдат отражают их представления о противнике, перспективах войны и восприятие своей собственной роли в происходящих событиях. Немецкая цензура и контрразведка стремились выявить истинные настроения в частях вермахта, составить возможно более объективную картину состояния армии и — опосредованно — немецкого общества в целом. В конечном счете письма военнослужащих вермахта помогают ответить на вопрос, как и почему советские воины превзошли на полях сражений своего противника.

Представленные письма относятся к периоду с июня по конец ноября 1941 года, когда большинство немцев еще верили в скорую победу над Россией.

26 июня 1941 года

Ефрейтор Генрих Нахлер:

«Я сижу на ящике из-под консервов и пытаюсь описать нашу жизнь. Вокруг нас каждую секунду падают с неба горящие бомбардировщики русских. Потом в сводках вермахта будет названа невероятно высокая цифра подбитых самолетов. Да, наши летчики действительно молодцы! Только сейчас я наблюдал, как один немецкий истребитель ворвался в группу летящих самолетов противника и уже в следующее мгновение подбил 4 самолета русских. Это было незабываемое зрелище. Погода стоит отличная. На голубом небе гряды кучевых облаков. И, стремительно падая сквозь облака, русские самолеты напоминают лифт, проносащийся вниз мимо этажей. Внизу слышится удар, ужасный взрыв, конусообразный столб пламени, и уж потом раздается наше громкое „ура“. Повсюду видны гигантские столбы черного дыма. Нескончаемым потоком движутся все новые и новые танковые части, вздымающие мощные клубы меловой пыли. Проклятая пыль — наше бедствие. Воды не хватает. Мы похожи на дикарей. И все же все очень интересно и хорошо. Безостановочное движение изнурило меня окончательно. Но с тех пор как звучит грохот войны, я чувствую себя заново родившимся. В предпоследнюю ночь мы осуществили свой последний мирный переход. Около часа ночи, смертельно усталые, мы ввалились в сарай. Наш отдых, однако, длился недолго. В 3:15 нас разбудил грохот пушек. Невозможно было различить отдельных выстрелов, впечатление было такое, что по всей линии фронта ударили одновременно из всех орудий. Этот низкий сплошной гул был похож на рев мотора на полной мощности. Уже через четверть часа нашими самолетами-разведчиками был подан сигнал, что можно переносить огонь на противника. Потом наши бомбардировщики исчезли в плотных облаках. По дорогам бегут сломя голову люди со всем своим имуществом. В одном хлеву я нашел ведро парного молока, которое сразу все выпил. Потом обнаружил два яйца и впервые хорошо подкрепился. Вообще все было очень уютно и празднично, русские пока еще ни разу не обратили против нас свою артиллерию».

Унтер-офицер Бёриг:

«И большую Россию мы тоже пошлем ко всем чертям. Ведь если фюрер предпринимает что-либо подобное, ему это удастся всегда на 100 %».

Ефрейтор фон Дирдельсен:

«Все отлично. Мы снова разобьем страну с сумасшедшим правительством, победив на этот раз Красную Армию. Наша рота первой переправилась через Буг, уничтожила три бункера и за первый день продвинулась вглубь на 40 км. 4 человека были легко ранены. К сожалению, погибло много офицеров. Первым был убит наш командир батальона, через 10 минут — его заместитель. У нас отличные офицеры! Своей жизнью и еще больше своей смертью они показывают нам пример».

27 июня 1941 г.

Ефрейтор Херрманн:

«За сегодняшний день мы сильно продвинулись вперед. Авиация ведет активные действия. Наши бомбардировщики сбивают один русский самолет за другим. Их почти уже не осталось».

Ефрейтор Карл:

«Мы продвигаемся все дальше, не встречая препятствий. Единственной трудностью являются русские партизаны. Их трудно схватить. Зато они очень успешно захватывают наших летчиков и быстро с ними расправляются. Очень много летчиков попало к партизанам».

2 октября 1941 г.

Унтер-офицер А. Марот:

«В Польше он (фюрер) останавливался в пехотных частях, несмотря на сильный обстрел, и был под мощным артобстрелом на наблюдательной вышке и, несмотря на то что кругом рвались снаряды, остался живым и невредимым. Его всемогущество хранит и нас, и его самого. С такими мыслями мы готовимся к предстоящему бою, твердо веря в то, что, несмотря на возможные тяжелые потери, он приведет нас к победе. Когда это произойдет, дорогая мамочка, знает только фюрер, назвавший во Франции своим соратникам точный день, когда война там должна закончиться, и действительно кончилась. Так же и здесь, просто мы маленькие люди, которых впрягли в эту машину и которые не знают заранее, как будут разворачиваться военные действия».

Ефрейтор Пич:

«...Позавчера мы вновь слушали нашего любимого фюрера, ведь солдаты так любят слушать его голос. Фюрер непременно приведет нас к победе. Мы были так горды, когда он похвалил нас перед всеми, назвав пехоту главной ударной силой...»

8 октября 1941 г.

Старший ковочный мастер Хайнрих Янсен:

«...Приближающаяся победа над Красной Армией должна быть и будет нашей. Дело движется к развязке. Великий фюрер обещал победоносно закончить самый тяжелый в истории военный поход до наступления морозов. Мы чувствуем себя исполнителями его гениальной воли. Мы будем верны ему до смерти и сделаем все, чтобы претворить в жизнь его слова, чего бы это ни стоило. Оставляя в кровопролитных боях героически погибших товарищей, мы продвигаемся навстречу победе. И твое заветное желание, любимая, чтобы эта ужасная война поскорей закончилась победой, исполнится в недалеком будущем. Через несколько дней падет Москва, оплот всемирного большевизма, и вместе с вражеской столицей будут уничтожены и остатки Красной Армии. Мы чувствуем себя под ощутимой защитой командования. Он, во власти которого все мы находимся, сохранит тебе мужа, а сыновьям отца. Я убежден, что через 14 дней, самое позднее — через три недели, война на Востоке окончится победой. Ты можешь рассчитывать на скорое окончание войны и на радостную встречу. Не смею загадывать, любовь моя, как произойдет наша встреча. Может, когда ты будешь читать эти строки, война на Востоке уже кончится».

10 октября 1941 г.

Военнослужащий Томас Донайс:

«Не все обстоит на самом деле так, как об этом пишут в газетах... Пока я еще ни разу не видел, чтобы русские что-нибудь поджигали, и квартиры у них не такие плохие, как показывают в кино, на самом деле все совершенно другое. Я был и остался прежним, и никогда не смогу быть другим...Если мне посчастливится и я вернусь домой, я вам расскажу. Вы будете удивляться, когда узнаете правду, а не то, что пишут в газетах. В животе иногда урчит».

21 октября 1941 г.

Лейтенант Кауслер:

«...Если дивизия может гордиться своими успехами, то наше подразделение тоже имеет на это право... Наш полк покрыл себя вечной славой, выдержав на себе все давление армии, отступающей из всех сил на восток. Каких картин я только не наблюдал в течение двух дней, это невозможно описать. Лучше их поскорее забыть. Я не думаю, что после таких тяжелых боев наша дивизия снова будет использована на фронте, и благодарю Бога за то, что он помог мне перенести все это. Мое сердце полно печали по моим павшим товарищам. Эта война была самой жгучей проблемой. Насколько гениально поступил фюрер на этот раз. Невозможно представить, что было бы с нашей родиной, не удуши мы этих недочеловеков в их собственном болоте. Никто из тех, кто здесь воевал, не сожалеет, что отдал последние силы для достижения успеха.»

Мы гордимся, что сражались и победили. Я радуюсь скорой встрече на родине. Уже должна производиться отправка на запад. Такому помятому подразделению, как наше, нужны тишина и спокойствие немецкого гарнизона, чтобы потом, если будет нужно, вновь пойти в бой».

30 октября 1941 г.

Унтер-офицер В. Иле:

«...Могу сообщить тебе, что в нашей батарее осталось только лишь одно орудие, все остальные вышли из строя во время танковой атаки русских. Три тяжелых танка противника отравили нам жизнь. В целом мы потеряли 26 орудий, что очень много для артиллерии. Сейчас вновь идет ожесточенный, ни с чем не сравнимый бой, за 4 дня мы ни на шаг не продвинулись вперед. Расположились недалеко от шоссе Смоленск — Москва, русские стреляют из орудий всех калибров, главным образом из ракетных установок, прозванных нами Джонни. Да еще погода такая, что чертям тошно, все дождь и дождь. Состояние дорог ты сам знаешь какое, мне интересно только, куда они нас приведут. Все мы наполовину больны, уже несколько дней у меня понос, дает знать обжорство; хлеба получаем очень мало... Об отпуске даже не думаем, у вас тоже не будет. Осталась еще надежда, что, может, мы поменяемся с теми, кто во Франции, иначе я не знаю, что будет. Пехота тоже больше не хочет быть крайней, она несет колоссальные потери, так, потери одного батальона за день составили 105 человек. Черт бы побрал эту Москву. Действительно, русские комиссары и их система сильно нам досаждают, парни защищаются до последней капли крови. А мы уже не знаем, что делать дальше».

2 ноября 1941 г.

Старший ефрейтор Х. Виттиг:

«...Люди здесь ничего не имеют, кроме своей собственной жизни, да и той распоряжаются Советы. Если мы останемся в России на зиму, то это будет означать, что или ты или я умрем от голода. Объяснение этому оставляю на потом, но мы выиграем эту войну так или иначе, время не играет здесь никакой роли. Зимой многое может быть трудным и тяжелым, но и это тоже все пройдет. Пока еще прошло только 7 недель, и уже Рождество на пороге. Вопрос только, где мы проведем этот праздник?»

9 ноября 1941 г.

Пиротехник Йертц:

«...Ты видишь, с какими свиньями нам приходится здесь иметь дело. Их нельзя назвать людьми, это, как сказал фюрер, звери. Дорогая Розель, каждый, кто видел все это, скажет, что необходимо срочно покончить с этим сбродом. Мы должны все тщательно очистить от них, даже если это займет еще полгода. Чем дольше мы посидим без боев, тем лучше. Как раз сейчас русские отправляют на фронт все, что у них есть, с целью остановить наше продвижение. Когда же мы снова начнем наступление, каждый из этих бандитов изольется слезами».

11 ноября 1941 г.

Старший казначей С.:

«Когда мы думаем над этим, то понимаем, что если бы эти дикие орды напали на нашу родину, их бы ничего не остановило. Мой дорогой, если кто-нибудь из этих тыловых героев пожалуется на войну, скажи ему только одно: “Там, в России, решается вопрос «быть или не быть» не только для Германии, но и для всей Европы”. Мы все не можем найти слов, чтобы выразить благодарность нашему фюреру за то, что он всех нас спас от гибели. Именно здесь, вдали от родины, мы очень хорошо понимаем, чем мы обязаны этому человеку. Он дал нам всем надежное будущее, а родине — прочный мир».

22 ноября 1941 г.

Старший ефрейтор Хёртшбек:

«...Обстановка на фронте все сильнее накаляется. Роты слились в маленькие кучки, люди пали духом. Ко всему прочему еще наступили страшные холода. Русские применяют современное оружие, что просто поражает».

*Публикация
М. Ю. Мягкова*

Из воспоминаний Е. А. Болтина⁶

Поездка на Западный фронт

В конце августа 1941 года немецко-фашистское командование, овладевшее Смоленском, было вынуждено прекратить наступление на центральном направлении. Это было следствием упорной обороны и возросшей активности советских войск Западного фронта, которые не только остановили противника, но и нанесли ему ряд контрударов. Наиболее значительным явился контрудар в районе Ельни, где фашистские войска, захватившие город, вклинились примерно на 15–20 км в наши линии и образовали выступ, уязвимый с флангов.

В первые дни сентября 16-я армия Западного фронта, действовавшая вдоль шоссе Москва — Минск, в упорных боях потеснила противника и заставила его отступить в районе Духовщины. Это отвлекло из района Ельни часть вражеских резервов, чем воспользовались войска 24-й армии, которые при активной поддержке авиации нанесли поражение Ельнинской группировке противника и ликвидировали выступ фронта. 6 сентября над городом Ельня взвился советский флаг... 10 сентября советские войска прекратили контратаки. На фронте установилось временное затишье. Так закончилось историческое Смоленское оборонительное сражение, длившееся два месяца. Фашистский план «молниеносной войны» был сорван...

Вместе с тем в дни завершения Смоленской оборонительной операции советские войска понесли тяжелое поражение на южном крыле фронта, на Украине, где был потерян Киев. Обострилась обстановка и на северном крыле — враг развернул мощное наступление на Ленинград. В этих условиях мир должен был знать правду о первой советской победе, о положении на главном направлении советско-германского фронта. Особенно важно было, чтобы общественность Англии и Соединенных Штатов Америки узнало это из сообщений своей печати и радио, а не из советских радиопередач. Это предопределило решение руководящих советских инстанций — разрешить группе иностранных военных корреспондентов посетить Западный фронт.

Группа состояла из 13 журналистов... а также англичанки миссис Холдейн, жены известного либерального профессора, общественной деятельницы. Это была весьма экзальтированная дама — ее приводило в восторг все, что она видела в Советском Союзе, и она выражала свое восхищение так напыщенно, что это вызывало ироническое отношение к ней ее коллег.

Мне было поручено возглавить поездку. В помощь мне выделялись работник отдела печати НКВД и переводчик... План поездки, рассчитанный на одну неделю, включал посещение войсковых соединений и частей от дивизии до батальона, а также учреждений войскового тыла и встречу с представителем командования Западного фронта.

Перед отъездом я получил через С. А. Лозовского указание наркома иностранных дел В. М. Молотова о моей личной ответственности за организацию поездки и безопасность корреспондентов...

15 сентября рано утром мы на шести автомашинах М-1 выехали на запад по Минскому шоссе. Нельзя сказать, что поездка была вполне комфортабельной: на большинство машин приходилось по 3 пассажира, причем корреспонденты имели довольно объемистый багаж... но настроение у наших гостей было приподнятое. Оно поддерживалось во все время поездки радушным, истинно русским гостеприимством командования частей и руководства учреждений, которые мы посетили, а также превосходной организацией питания и обилием спиртных напитков любых марок — от русской водки до французского коньяка. Служба тыла Западного фронта оказалась на высоте!..

Местом нашего первого ночлега была Вязьма, где мы достаточно удобно расположились в гостинице. Поздно вечером приехал начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, впоследствии — Маршал Советского Союза. Он нарисовал широкую картину минувших боев войск Западного фронта и их положения к середине сентября. Основной мыслью его сообщения было утверждение о провале фашистского плана «молниеносной войны» и об обреченности на неуспех любой новой попытки гитлеровского командования овладеть Москвой. В этом он, разумеется, был прав. Но, пожалуй, его прогноз дальнейшего развития событий был излишне оптимистичен. Ведь именно в это время противник, используя

⁶ Евгений Арсеньевич Болтин (1900–1981). Окончив в 1917 г. реальное училище, вступил в Красную гвардию. Окончил военное артиллерийское училище, Академию им. Фрунзе, стал генерал-майором, доктором исторических наук, профессором. Е. А. Болтин работал ответственным редактором газеты «Красная звезда», «Военно-исторического журнала», в начале Великой Отечественной войны возглавлял военный отдел Совинформбюро. Заместитель председателя Редакционной комиссии труда «Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945» в 6 тт. (М., 1961–1965). Настоящий отрывок взят из недавно опубликованной книги воспоминаний Е. А. Болтина «Памятные годы, 1939–1945» (М., 2003).

паузу в боевых действиях, усиленно готовился к своему генеральному наступлению. Ни реальные силы Западного фронта, ни степень их готовности к новым боям не были достаточны для того, чтобы отразить мощные удары врага, нанесенные через две недели...

На рассвете 16 сентября мы получили наглядное доказательство раскрытия противником «секрета» нашей поездки: нас разбудили громopodobные звуки близких разрывов авиабомб. Оконные стекла и даже рамы были выбиты взрывной волной, но ни одного прямого попадания в гостиницу, к счастью, не произошло.

Между тем именно гостиница была главной целью бомбардировки, в которой участвовали шесть фашистских самолетов «Хейнкель». Об этом 17 сентября нам рассказали пленные летчики одного из самолетов, подбитого зенитным огнем и совершившего вынужденную посадку в тылу советских войск. Оказывается, фашистская разведка уже знала о выезде на советский фронт иностранных корреспондентов.

Во время воздушного налета произошел характерный эпизод. Все корреспонденты оставались в гостинице, только вышли из своих комнат в коридор, где, казалось, стены могли защитить от осколков или ударов воздушной волны. Лишь одна Маргарет Борк-Уайт — молодая и весьма интересная женщина — полуодетая, нагруженная своей фотоаппаратурой, стремглав выскочила на улицу и помчалась прямо в гущу бомбовых разрывов. Потом она рассказала, что сделала несколько «замечательных снимков» жертв бомбардировки. Ее супруг (или спутник) Э. Колдуэлл не сдвинулся с места, спокойно продолжая дымить трубкой.

Я спросил его: не боится ли он за Маргарет и как отпускает ее одну? На это он ответил: «Это ее бизнес, меня он не касается». Такое равнодушие к «чужому бизнесу» он проявлял и дальше...

Второй день поездки мы начали с посещения аэродрома истребительной авиации. Нас встретил полковник Г. Ф. Захаров — впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза, командир авиадивизии, в которую входил знаменитый полк «Нормандия-Неман». Этот стройный, красивый, типично русский блондин привлек особое внимание обеих наших дам — Борк-Уайт усиленно его фотографировала, а миссис Холдейн, немного говорившая по-русски, засыпала вопросами. А. Верт с симпатией описывает эту встречу с советскими летчиками...

Главным событием этого дня было посещение войск 16-й армии. Мы прибыли на командный пункт стрелковой дивизии, занимавшей позиции вдоль автодороги Москва — Минск, восточнее города Ярцево, районного центра Смоленской области.

Разумеется, нас не только ожидали, но и усиленно готовились к встрече, церемониал который выглядел несколько комично.

Мы оставили машины на опушке и пошли дальше пешком по лесной дороге. Пойдя полкилометра, подошли к расположению командного пункта полка, где нас встретило все командование. И тут нас ожидал сюрприз: дальше дорожка была прекрасно спланирована, засыпана свежим песком и, главное, обставлена по бокам цветочными кадками с фикусами... Откуда в лесу фикусы!? Командир полка простодушно объяснил, что они собраны в расположении полка, в домах восточной части Ярцева, брошенных жителями. Из таких домов на КП и в землянки командного состава перекочевали не только фикусы, но столы, диваны и даже... рояли. Во всяком случае, один рояль мы скоро увидели.

«Фикусная аллея» заканчивалась хорошо утрамбованной площадкой, на которой стояла большая «гессенская» палатка. Внутри буквой «П» были расставлены сервированные столы, мест на тридцать. И начался пир, который наши гостеприимные хозяева скромно называли обедом. Они были искренне рады принять корреспондентов двух великих капиталистических стран, с которыми СССР налаживал в это время союзнические отношения. Конечно, произносились тосты. Гости пили за Сталина, за победу Красной Армии, хозяева — за Черчилля и Рузвельта, за совместную борьбу против нацистской Германии и ее ближайший разгром. Пиршество длилось долго, выпито было много, пожалуй, излишне много. Вечер закончился пляской под баян на площадке перед палаткой, причем заядлым плясуном оказался Генри Кэссиди — он «оторвал» такого русского трепака, что наши офицеры и солдаты удивлялись. Забавно, что плясал он не один, а с партнером... начальником особого отдела дивизии.

Следующий день был посвящен ознакомлению с боевыми порядками и тыловыми органами полка. С соблюдением необходимых предосторожностей нас провели на КП стрелкового батальона, оборонявшегося в первом эшелоне. От переднего края батальона до противника оставалось примерно около 1 км полосы «ничейной» земли, и тут надо было вести себя тихо и осторожно, чтобы не выдать присутствие гостей...

Нас провели в большую землянку, где тоже был подготовлен сюрприз вроде вчерашних фикусов: нас встретили громкие звуки рояля. Как удалось заткнуть его в землянку, да еще под носом у противника — это был секрет хозяев.

А близость противника мы вскоре ощутили вполне реально. В рощице и вокруг нее внезапно стали рваться мины — видимо, фашисты заметили что-то подозрительное. На минометный налет противника советская артиллерия ответила огнем. В землянке стало, прямо сказать, неуютно, и я, помня о своей ответственности, распорядился немедленно покинуть расположение батальона. Все обошлось благополучно...

Поздно вечером на месте ночлега, в деревянном здании сельской школы, произошла наша встреча с пленными летчиками. А. Верт прав, рассказывая, что все трое пленных держались нагло, хвастливо. Старший из них по званию был всего лишь фельдфебелем, но вел себя так самоуверенно, будто бы оказывал одолжение, отвечая на вопросы корреспондентов. Это был рослый малый с выхоленным лицом, типичный рыжий «фриц» 1941 года, убежденный в том, что весь мир должен покориться фашистской Германии. Свое пленение он рассматривал как случайное недоразумение, которое не помешает ему вскоре побывать в Москве как победителю...

Из под Ярцева мы направились на север, в полосу 19-й армии и навестили стрелковую дивизию, занимавшую оборону восточнее Духовщины. Здесь встреча обошлась без «фикусов».

Командир дивизии, который побеседовал с нами, не скрывал своего тревожного настроения. Силы дивизии, растянутые на широком фронте, были явно недостаточны для отражения нового немецкого удара. В предыдущих боях наши войска понесли тяжелые потери. В этом мы могли частично убедиться, посетив полевой госпиталь, из которого не всех тяжелораненых успели эвакуировать в тыл страны...

Из расположения 19-й армии мы двинулись дальше на юг. Нашей конечной целью было посещение Ельни... Меня, как военного, интересовало состояние обороны наших войск. Хотя мои впечатления в общем были случайными, картина складывалась тревожная. В войсках после тяжелых боев и отступлений июля-августа преобладало чувство успокоенности. Теперь, когда известно дальнейшее развитие событий, приходится признать, что переход противника в общем наступление оказался неожиданным как для наших войск, так и для высшего командования. Не все было сделано для отражения удара, и это можно было наблюдать. Например, помню одиночное противотанковое орудие на опушке леса вблизи линии фронта. Его позиция была выбрана удачно — она позволяла вести фланговый огонь по танкам, движущимся вдоль дороги. Но отсутствовало самое элементарное инженерное оборудование — не были отрыты ни окоп, ни индивидуальные ячейки, не было и нужной маскировки. Такие примеры беспечности нередко бросались в глаза.

Замечали ли их корреспонденты? Вероятнее всего, что не замечали. Их утомляли ежедневные переезды, излишне сытные обеды и ужины с неограниченной выпивкой...

20 сентября мы добрались до Дорогобужа, почти полностью уничтоженного фашистской авиацией. Здесь действовала понтонная переправа через Днепр, заменившая собой сожженный мост. Хотя в Дорогобуже не было никаких военных объектов, тем не менее посещение этого старинного городка — вернее сказать, его руин — произвело на корреспондентов большое впечатление. Ведь это был первый на нашем пути целиком уничтоженный врагом город, в нем практически не уцелело ни одного здания, а из 10 тысяч жителей осталось не более 100 человек.

Переночевав близ Дорогобужа в палатках, мы утром 21 сентября двинулись в путь к конечной цели поездки.

Посещение района Ельни началось с осмотра поля боя. Несколько часов мы провели на бывших немецких позициях, где еще можно было подобрать рассыпанные патроны, гильзы, брошенные каски, противогазы и другие предметы военного имущества. Немецкая оборона тоже носила очаговый характер, как и наша, но инженерное оборудование позиций было более солидным. На отдельных участках были отрыты окопы полного профиля и ходы сообщения, уцелели остатки маскировки — все это свидетельствовало о том, что противник намеревался прочно удерживать Ельнинский плацдарм. Полковник из штаба 24-й армии, сопровождавший нас, подробно рассказал о целях и ходе советской операции. Его объяснения были выслушаны с большим вниманием.

Уже вечерело, когда мы въехали в Ельню. Картина разбитого, в основном сожженного деревянного городка выглядела очень печально. Она хорошо описана А. Вертом в его книге...

Вечером 22 сентября, ровно через неделю после начала поездки, наша группа благополучно возвратилась в Москву.

Каковы были результаты поездки, оправдала ли она себя? На этот вопрос можно ответить положительно.

Американские и английские корреспонденты передали в свои органы печати и радио достаточно объемную информацию об итогах Смоленского оборонительного сражения в целом, о результатах Ельнинской операции — в частности, а также об обстановке на Московском направлении. Конечно, в двадцатых числах сентября еще никто не мог предвидеть того, что случилось в октябре и резко изменило положение сторон в битве под Москвой. Но это не меняет положительного значения появившейся в результате поездки информации, укреплявшей уверенность в возможности Красной Армии сдержать натиск врага и нанести ему ряд поражений.

Поездка нашла освещение не только в газетах, но и в специальных книгах. Так, в 1942 г. в Англии вышла из печати книга А. Верта «Москва-41», а в США — книга Э. Колдуэлла «На дороге в Смоленск». Агенство «Ассошиейтед Пресс» выпустило также книжку Г.К. Кэссиди «Московские записи», в которой отражена и сентябрьская поездка. Возможно, что были другие публикации, мне неизвестные.